

КОНТРОЛЬ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИМИ НАСТРОЕНИЯМИ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ В 1919–1923 ГОДАХ

Исследование феномена системы политического контроля советской власти над населением РСФСР за последние десять-пятнадцать лет в отечественной исторической науке прошло путь от обобщающих фундаментальных трудов до региональных изысканий. В настоящей статье рассматриваются вопросы складывания и функционирования системы политического контроля на территории Западного Урала в конце Гражданской войны и первые годы нэпа.

Октябрьский переворот 1917 г. положил начало процессу становления советской государственности. Взяв власть в свои руки, большевики ставили первоочередную цель – удержать ее любыми средствами. Оппозиционные партии либерального и консервативного направлений, ряд общественных организаций старого режима В. И. Ленин и его соратники отнесли к контрреволюционным единицам. Позднее, оценивая события этого периода, один из руководителей ВЧК М. Я. Лацис писал: «Вся эта братия составляет из себя контрреволюционеров прямых, то есть таких, которые знают, на что идут и почему идут... Они решили изначально устроить контрреволюцию, то есть свержение достигнутого революцией. На этом сошлись все: и юнкера, и офицеры, и прежние чиновники, и фабриканты, и купцы, и кулаки и попы, и отчасти гимназисты и студенты» [1. С. 14–15.]. Кроме того, Лацис указывал на существование еще одной группы контрреволюционеров – «контрреволюционеры по недомыслию». Сюда он определил существующие в России социалистические партии, которые, как считали большевики, шли на соглашение с врагом рабочего класса – буржуазией. Речь шла об эсерах, меньшевиках и анархистах.

Таким образом, стремление удержать захваченную власть любыми средствами требовало от руководства РКП(б) формирования специальных структур для политического контроля. Такая организация, названная Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК), была создана 7 (20) декабря 1917 г. Постепенно ВЧК становилась легальным органом внесудебной расправы с политической оппозицией.

В марте 1918 г. на территории РСФСР уже функционировало 38 губернских и 75 уездных чрезвычайных комиссий [2. С. 44]. В это же время формируются губернские и уездные ЧК на территории Урала, 15 марта 1918 г. образовалась Пермская ГубЧК.

В Пермском крае процесс становления советской власти занял достаточно продолжительный период. 1918 г. прошел в общем для РСФСР в контексте утверждения институтов новой власти в уездах и волостях. В декабре 1918 г. территория Пермского края оказалась под контролем колчаковцев. Однако весьма скоро, после их отступления в июле 1919 г., процесс становления советской власти в регионе продолжился.

В период «военного коммунизма» местным органам госбезопасности политическое руководство РСФСР вменило в обязанность формирование системы политического контроля. Под политическим контролем, вслед за одним из первых его исследователей В. С. Измозиком, мы будем понимать систему регулярного сбора информации различными ветвями государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении его различных слоев к действиям властей, о поведении и намерении экстремистских и антиправительственных групп [3. С. 157].

Кроме местных подразделений ВЧК, в системе политического контроля были задействованы парткомитеты РКП(б) и органы советской власти. Еще в период с июня по декабрь 1918 г. ВЧК в серии приказов и инструкций местным ЧК обязала последних выстроить систему негласного наблюдения за всеми категориями населения начиная с губернского уровня и кончая уездом и волостью. Это свидетельствовало о том, что государственная и региональная власти остро нуждались в информации о бытующих настроениях представленных в советском обществе социальных групп, специфике деятельности на территории губернии социалистических партий. В недрах ГубЧК и УездЧК начал формироваться аппарат осведомления. К слежке и доносительству привлекались члены местных партакеев РКП(б), а также и «сознательные» беспартийные граждане. Один из заместителей

председателя ВЧК М. Я. Лацис в воззваниях к населению России писал, что «каждый гражданин должен быть и красноармейцем и сотрудником Чрезвычайной Комиссии». «Мы должны знать каждого бывшего царского сановника, генерала, жандарма и полицейского, каждого помещика, фабриканта, банкира и духовника... Мы должны знать, чем заняты они, эти люди из другого мира», – продолжал в одном из своих циркуляров Лацис [4. С. 279].

Система поставки секретной информации работала по следующей схеме: уездные комиссии и волостные комиссары собирали информацию (в форме устных доносов, заявлений, писем) по своей территории и направляли ее в ГубЧК еженедельно в виде докладных записок и отчетов. В секретно-оперативном отделе ГубЧК эта информация систематизировалась и в виде обзорных докладов о политическом состоянии губернии ежемесячно направлялась в Президиум ВЧК.

В структуре Пермской губернской чрезвычайной комиссии со второй половины 1919 г. также функционировал секретно-оперативный отдел. Сюда из уездов стекалась в виде сводок, отчетов, докладов и просто доносов так называемая «информация государственной важности». Последняя систематизировалась и представлялась в виде информационных бюллетеней, сводок под грифом «А», сводок под грифом «В», «обзора деятельности ЧК за полугодие по Пермской губернии».

В информационных бюллетенях содержались сводки о политическом состоянии губернии, как правило, за истекшие 3–7 дней. Они включали в себя группы вопросов с формулировками: «Шпионаж», «Белогвардейские организации», «Деятельность левых эсеров и анархистов», «Деятельность правых партий», «Антисемитизм и национальная рознь», «Деятельность духовенства», «Волнения и восстания», «Фабрично-заводская жизнь», «Настроеие губернии» и другие ¹.

Объем информационных бюллетеней не превышал 2–3 страниц машинописного текста. Особенностью такого рода бюллетеней являлась их многоплановость, что нередко вело к неконкретности. Информация, содержащаяся здесь, носила локальный характер и имела малосодержательную основу. Как единица политинформации бюллетень не представлял собой источник, раскрывающий положение дел даже на уровне какого-либо уезда. Вполне вероятно, что бюллетень выполнял функцию социологического среза и являлся ячейкой комплектования сводок «А», «В» и отчетов за полугодие.

В сводке «А» содержался отчет о политическом состоянии губернии за истекшие полмеся-

ца, месяц и полугодие. Здесь освещались вопросы, касающиеся настроения определенных социальных групп: советских служащих, рабочих, крестьян, обывательских масс, партий, духовенства, а также сведения о восстаниях и проявлениях антисемитизма ². Кроме того, ставились вопросы о дезертирстве, настроении красноармейцев, о состоянии транспорта, социального обеспечения, продовольственном положении и т. д. Объем сводки «А», как правило, составлял от 8–9 до 30 страниц машинописного текста. Содержание сводки имело предметный характер, отражало особенности социальной, национальной, экономической политики большевиков в пределах губернии. Здесь преимущественно давалась подробная характеристика материального и духовного состояния всех представленных в губернии социальных групп населения, анализировались причины недовольства советской властью в среде рабочих. В отличие от бюллетеня, информация, содержащаяся в этих сводках, позволяла властям всецело представить политическое состояние губернии, обратить внимание на конкретные уезды и принять меры к ликвидации выявленных недостатков. В конце сводок обыкновенно делалось заключение с формулировкой «положение губернии, в общем, все-таки удовлетворительное». Утверждалась сводка «А» председателем ГубЧК.

В сводке «В» была представлена информация о деятельности ГубЧК за прошедший месяц. Текст сводки не делился, как предыдущие, на пункты. Это был краткий обзор-отчет, с большим количеством статистических данных: сведения о количестве арестов неблагонадежных граждан (представителей духовенства, правых и левых партий, и т. д.); сведения о количестве возбужденных, находящихся в производстве, оконченных и переданных в суд дел; о количестве приговоренных в концлагерь и на общественные работы. Объем сводки «В» не превышал пяти страниц ³.

Интерес представляет перечень секций ГубЧК, занимающихся политическими делами: секция по борьбе с правыми партиями и духовенством, секция по борьбе с левыми социалистическими партиями, секция по борьбе с преступлениями по должности. В отчетных шаблонах по секциям содержалась информация и о мерах, применяемых ГубЧК по отношению к неблагонадежным гражданам. Наиболее часто применялось негласное наблюдение, постановка на спецучет, общественные работы. Велся также учет лиц, приговоренных к заключению в концлагерь.

¹ ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 52. Л. 52–53.

² Там же. Л. 6–9 об.

³ Там же. Л. 79–81.

Таким образом, в эпоху «военного коммунизма» на территории Западного Урала усилиями Пермской ГубЧК формировалась система политического контроля. В это переломное для страны время пермские чекисты создавали сети осведомления, совершенствовали мастерство перлюстрации и ведения секретной документации.

В феврале 1922 г. органы госбезопасности были реформированы, ВЧК и ее местные подразделения реорганизованы в новую структуру – ГПУ и его губернские отделы. Задачи, стоящие перед пермским губотделом ГПУ, не изменились – борьба со всяческим проявлением инакомыслия в социальной среде, слежка за представителями нелегальных политических партий и репрессии в отношении нелояльных к советской власти граждан. Однако старые «чекистские меры» (внезапные налеты на «буржуев», несанкционированные аресты, высылка за пределы губернии, скорая революционная расправа, расстрелы) в новую эпоху уже не годились, да и запрещались руководством ГПУ. Это требовало радикальной перестройки всей системы политического контроля. Примечательно, что еще в циркулярном письме от 25 апреля 1922 г. начальник СО ГПУ Самсонов разъяснял своим коллегам в регионах новую диспозицию: «Проблемы осведомления в период ВЧК обычно восполнялись оперативными мероприятиями. Нынешнее положение, наоборот, значительно суживает свободу действий органов ГПУ в области оперативных мероприятий и мер пресечения, что также дает противнику соответствующую выгоду. Отсюда вытекает необходимость всемерного содействия органам ГПУ в их ответственной работе членами нашей партии, которые должны помочь нам в агентурно-осведомительской работе» [5. С. 24].

Приказом ГПУ № 291 от 14 ноября 1922 г. официально вводится в профессиональный оборот классификация секретных сотрудников. До этого времени под осведомителями понимались любые граждане, поставившие на добровольных началах чекистам информацию государственной важности. Теперь «осведомителем» могло именоваться лицо, завербованное или введенное в антисоветскую, шпионскую, контрреволюционную или преступную организацию, для их освещения и добывания сведений о них [6. С. 27].

В пермском губотделе ГПУ работа с аппаратом осведомителей базировалась на отработанных чекистских принципах. На учете в Секретном отделении состояли социалисты-революционеры (правые, левые, Центра, максималисты), меньшевики, анархисты, «свои люди» – исключенные из РКП(б), кадеты, представители религиозных культов и сектанты, а также профессура Пермского государственного

университета. На октябрь 1923 г. только по Пермскому окротделу было выявлено 11 меньшевиков, причем 4 из них являлись завербованными осведомителями Секретного отделения ГПУ; эсеров выявлено 25 человек⁴.

В докладах уполномоченных обнаруживается упоминание о привлечении к выявлению политически неблагонадежных граждан такой институт, как Бюро содействия, или БС. Бюро содействия – это продукт эпохи нэпа. Эта новая структура, целью создания которой являлось соединение усилий местных органов ГПУ в деле организации системы осведомления. Идея создания подобного органа принадлежит Секретариату ЦК РКП(б) во главе с В. М. Молотовым. Телеграмма Секретариата ушла в губернии еще 22 марта, а 25 апреля 1922 г. в циркулярном письме № 21 СО ГПУ за подписью его начальника Самсонова «Об организации бюро содействия органам ГПУ на местах» губотделам ГПУ предписывалось создавать подобные организации в «каждом государственном, общественном, кооперативном и частном учреждении или предприятии, а также в вузе и там, где это представляется возможным наличием коммунистов» [5. С. 25]. Суть идеи заключалась в следующем. Среди коллектива трудящихся того или иного советского учреждения выделялось три ответственных коммуниста (БС), в задачи которых входило: а) систематический сбор сведений о всякого рода явлениях антисоветского характера; б) выявление контрреволюционного элемента как в данном учреждении или предприятии, так и вне него; в) изучение личного состава всех работников данного учреждения «в смысле их политической благонадежности», их партийной принадлежности и распределения их по отделам; г) взятие на учет выявленных членов антисоветских партий и «прочего контрреволюционного элемента», заполняя на каждое лицо специальную секретную анкету (форма анкеты прилагалась). Кроме того, члены бюро были призваны выполнять «специальные» задания ГПУ, в том числе содействовать поступлению на службу секретных сотрудников органов ГПУ и участвовать в спецоперациях, проводимых губотделами ГПУ. Один из членов Бюро являлся «связником».

В Пермском крае агентурной работой с БС занималось упомянутое нами секретное отделение СОЧ Губотдела ГПУ. Работой со связными БС занимался специально выделенный уполномоченный с двумя помощниками. Уполномоченный СО обрабатывал все поступающие сведения, материалы, анкеты «связных» и далее передавал госинформацию через начальника СО губотдела ГПУ уполномоченным по политическим партиям по принадлежности (анархи-

⁴ ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 4. Д. 32. Л. 73 об.

стов, меньшевиков, правых эсеров, правых партий, левых эсеров и др.). Был внедрен и принцип обратной связи: уполномоченный по работе с Бюро содействия принимал от уполномоченных по политическим партиям пакет разного рода заданий, передавая последний адресату – Бюро содействия данного учреждения.

Примеры деятельности Бюро содействия в Пермском крае можно обнаружить в докладах о политическом и экономическом положении губернии, личных письмах к полномочному представителю ГПУ по Уралу руководителей Пермского отдела ГПУ. В указанных документах только за 1923 г. содержатся формулировки о ведении «разработок» в среде пермского отделения Всероссийской ассоциации инженеров. «Работой губотдела ГПУ выявлено 28 человек инженеров с антисоветскими взглядами и установлены их краткие биографии», – писал в июле руководитель Пермского ГПУ В. В. Винокуров⁵. Нет никакого сомнения, что БС функционировало и в Пермском государственном университете. Имеющиеся в ПГУ кружки – общество естествоиспытателей, общество по изучению Северного края, общество по изучению философско-социальных наук, комиссия по улучшению быта ученых – были признаны антисоветскими организациями, в деятельности которых «нередко проглядывают совершенно чуждые науке цели». Винокуров пишет далее: «Еще в январе сего года мы не имели широкой возможности проникновения в их сферу деятельности, в настоящее же время у нас имеются характеристики всех членов этих обществ, которые взяты на учет и подвергнуты изучению их политической физиономии. На учете состоит 150 человек, из них 35 профессоров... Работа наша здесь ведется через специальное осведомление, информаторов, Бюро содействия и осведомителей из среды профессуры и студенчества»⁶. Кстати, в 1923 г. «выявленных кадетов» в ПГУ – 6 человек и «заподозренных» – 46.

Доклады, личные письма руководителей Пермского окротдела ГПУ свидетельствуют о методичной расправе большевиков со своими политическими противниками – социалистами. Негласное наблюдение, внедрение осведомителей в учреждения и предприятия губернии, перлюстрация – все это помогало пермским чекистам выявлять членов ПСР и меньшевиков, арестовывать их и направлять в концлагеря. В 1923 г. партия эсеров «самоликвидировалась» как политическая структура. Еще раньше, не без содействия уральских чекистов, прекратили свое существование уральские эсеры.

Та же участь постигла и меньшевиков. В ноябре 1922 г. их численность в Пермской губер-

нии сократилась до 198 человек [7. С. 81]. Речь идет уже не об организациях, группках, а об одиночках, верных своим идеям. Опасаясь ГПУ, они почти прекратили свою деятельность. В июле 1923 г. В. В. Винокуров в личном письме к полномочному представителю ГПУ по Уралу Морозу докладывал о политическом состоянии дел в Прикамье. Выявленных меньшевиков по губернии оказалось 77 человек, заподозренных в сочувствии им – 113 человек. Имелись данные и по эсерам: правых эсеров – 42 человека, левых – 16, максималистов-эсеров – 22, эсеры «Центра» – 16, и 1 эсеро-меньшевик, всего 97 человек. В. В. Винокуров подчеркивал, что во все имеющиеся группы меньшевиков и эсеров «влито внутренне осведомление» (т. е. агенты ГПУ входили в контакт с ними, и писали доносы обо всем происходящем)⁷.

Кроме розыска политических противников, уполномоченные ГПУ через бюро содействия и осведомителей выявляли и другие организации антисоветского толка. Так, летом 1923 г. «дружное и прочное осведомление» было установлено за действующими в Перми «Вольнопожарной дружиной» (50 человек), спортивным обществом «Олимпия» (Мотовилихинский завод – 57 человек), обществами «Голубой бант» (Сарапул, рыбный техникум, студенты), «Алая Роза» и «Союз Трепачей».

Письмо начальника Пермского ГПУ В. В. Винокурова свидетельствует также о попытке уполномоченных внедрить своих «людей» в действовавшие в Прикамье религиозные секты – «скопцов», «хлыстовцев», «красноверов», «истинно-странствующих христиан»⁸. В это же время уполномоченные ГПУ пристально вели оперативную разработку и по представителям православного духовенства. За так называемыми «тихоновцами» было установлено негласное наблюдение, а 10 самых активных священнослужителей поставлены на учет.

Подведем итоги. В 1919–1923 гг. на территории Пермского края развернулся процесс формирования системы политического контроля. Ключевое место в этом процессе занимала деятельность региональных органов госбезопасности. Этот вывод находит подтверждение в следующем:

– наличие органов, выполняющих функцию политического контроля, а именно: Особый, Секретно-оперативный отделы ГубЧК, уполномоченные уездЧК и политбюро; Секретная часть губотдела ГПУ и секретные отделения окротделов ОГПУ;

– действующий на территории Пермского края агентурный аппарат, состоящий из секрет-

⁵ ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 4. Д. 32. Л. 37, 95.

⁶ Там же. Л. 95.

⁷ Там же. Л. 93 об., 94.

⁸ Там же. Л. 96.

ных сотрудников и массы осведомителей в краевом центре, уездах и районах;

– использование краевыми органами госбезопасности широкого набора методов и средств политического контроля в отношении политической оппозиции и нелояльных граждан: слежка (наблюдение), постановка на учет, ликвидация учреждений, политический сыск оппозиции, репрессии (аресты и назначение наказания в виде общественных работ, заключение в концлагерь, высылка в другую губернию под надзором и др.);

– складывание, развитие и совершенствование пермскими чекистами системы комплектования отчетности перед вышестоящей организацией о политико-экономическом положении Пермского края.

Созданная в Пермском крае система чекистского контроля носила закрытый характер и предполагала полное отсутствие гарантий неприкосновенности личности, жилища, свободы передвижения и собраний, тайны переписки для граждан. Таким образом, Пермский край органично вписался в созданную ВЧК – ГПУ систе-

му политического контроля всероссийского масштаба.

Список литературы

1. *Лацис М. Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920.

2. *Мозохин О.* ВЧК – ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004.

3. *Измозик В. С.* Глаза и Уши Режима. СПб., 1995.

4. *Из истории* Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.): Сб. док. М., 1958.

5. *Лубянка.* Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003.

6. *Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ.* 1917–1991: Справ. М., 2003.

7. *Суслов А. Б.* Окончательная политическая гибель меньшевиков на Урале // Классовая борьба на Урале в период империализма и утверждения диктатуры пролетариата. Пермь, 1989.

Материал поступил в редколлегию 12.10.2006